
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

В поздний слякотный петербургский вечер мы ехали с Арцыбашевым на извозчике, был поднят верх, и, вдавленные внутри этой клетки, завешенные черным кожаным фартуком, мы напоминали двух пойманных птиц.

Это коротенькое путешествие на Петербургскую сторону стало переломным моментом наших отношений.

Только что вышел арцыбашевский роман "Санин". Мне он очень не понравился, Арцыбашев же видел в нем чуть ли не новое откровение и относился к нему не только как к большой беллетристической работе, но придавал исключительное значение. Этот роман он считал философским. Ему казалось, что Санин является одновременно и его личным исповеданием, но также раскрытием дум и чувств всего современного ему молодого поколения.

В ту пору Арцыбашев искренно мнил себя революционером духа, смелым свергателем старой морали, называл себя анархистом-индивидуалистом, И над Арцыбашевым в ту пору были сильны соблазны Ницше. Этот гордый вызов обществу, буржуазии, партиям, вообще всяким ограничениям личности должен был выразить "Санин".

Об этом и шел наш разговор в тот дождливый вечер под извозничьим верхом.

- Ты последнее время стал писать критические статьи на отвлеченные темы, - укорял меня Арцыбашев. - А лучше, если бы ты сейчас взял да написал о "Санине".

В тот год я был довольно частым гостем в журнале "Современный мир" ("Мир Божий"). Однажды меня попросила, кажется, сама Мария Карловна Куприна-Давыдова, а может быть, и покойный Ангел Иванович Богданович, редактор журнала, поговорить с Арцыбашевым о его романе. О каком - я не знал. Оказалось, речь шла именно о "Санине". Когда-то, кажется, в конце 1904 г. или в начале 1905 г.. Арцыбашев его предложил "Миру Божьему", редакция не решилась принять его и "Санин" был возвращен автору. Теперь о нем вспомнили, и я должен был предложить Арцыбашеву переговоры с журналом. Он быстро согласился, и роман стал печататься. Я оказался невольным сватом, хотя исполнял в данном случае чисто формальную роль дружественного посредника, совершенно не зная ни содержания вещи, ни ее идеи, ни ее героев. Не было ничего неожиданного в том, что Арцыбашев мог ждать моего сочувствия к роману.

А его не было. Словом, наступило охлаждение, мы растолкнулись, началась вражда, сперва глухая, потом открытая, разгорелась война, и если она не была тридцатилетней, то многолетней была, - Бог с ними, с этими невеселыми воспоминаниями!

Но скрывать не надо: Арцыбашев не отличался добротой, умел помнить обиды, был мстителен. И в этом и здесь проявлялась его колючая черта: упрямство, должно быть, хохлацкое...

В Петербург Арцыбашев приехал из Ахтырки. Тогда ему было что-то около 20 лет. В литературу он вошел очень быстро. Начав печататься в "Петербургской газете", он скоро отдался исключительно беллетристике, сошелся с "Журналом для всех" и даже стал там одним из редакторов беллетристического отдела.

Впоследствии Острогорский предложил ему. это зре место в своем социал-демократическом "Образовании".

Упрямство Арцыбашева, сопутствовавшее ему в жизни, не покидало его и в литературе. Он был настойчивым и неуклонным даже, в выборе тем, и его приверженность к "половой проблеме", следует объяснить, между прочим, также и этим упорством, не желавшим идти ни на какие уступки, глухим к голосу не только критиков, но и близких сочувственников. Арцыбашев был из тех людей, которые никогда не спорят. В своевольстве, в своем молчаливом упрямстве, в твердой настойчивости он затаенно и решительно проводил свою линию, свою волю, будто загораживался, и во всем его облике невольно чувствовался некий внутренний деспотизм неуступчивого самолюбца.

Без сомнения, он был одарен. Нескрываемо горел в нем большой темперамент и его тоже углублял, закапывал внутрь, затаивал от людей,